Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития Круглый стол

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Людмила Дмитриевна Бони, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Роман Кисель, профессор экономики Департамента экономики и региональной политики экономического факультета Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, Польша. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Марина Геннадиевна Пугачева, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, заместитель главного редактора журнала «Социологическое обозрение» E-mail: puma7@yandex.ru

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Янь Хайжун, профессор Политехнического университета в Гонконге, Hong Kong Polytechnic University, Hung Hom, Kowloon, E-mail: hairongy@gmail.com

Здесь представлена стенограмма круглого стола, состоявшегося в Фонде Розы Люксембург 27 марта 2017 года, посвященного компаративистскому обсуждению стратегических направлений постсоциалистического сельского развития Китайской Народной Республики, Польской Народной Республики и Российской Федерации. С докладом о проблемах экономики сельской Польши выступил профессор Роман Кисель. Профессор Янь Хайжун охарактеризовала диалектику развивающихся противоречий между коллективным и частным земледелием в Китае. Содокладчиками выступили российские ученые Л.Д. Бони, В.В. Бабашкин, А.В. Гордон. В центре дискуссии на круглом столе стояли проблемы сельского развития, связанные с вопросами соотношения и взаимодействия крупного и мелкого аграрного производства, капиталистических, семейных и коллективных форм сельского хозяйства, экономи-

ки и экологии, города и села, наконец, особенностями национальной аграрной политики, регулирующей все вышеупомянутые вопросы. Китай и Польша оказались своеобразными полюсами различных политэкономических и социокультурных аграрных трансформаций, между которыми возможно обнаружить особенности региональных путей развития сельско-городской России. Дискуссии данного круглого стола могут быть полезны не только академическим ученым, но также специалистам-практикам занимающимся разработкой вопросов государственной и муниципальной аграрной политики, учитывающих международный аграрный опыт.

Ключевые слова: крестьянство, земельная собственность, аграрные реформы, сельское развитие, компаративные исследования, Китай, Польша, Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-120-151

Участники круглого стола: Владимир Валентинович Бабашкин, д.и.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ; Людмила Дмитриевна Бони, д.э.н., гл.н.с. Института Дальнего Востока РАН; Александр Владимирович Гордон, зав. сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН; Роман Кисель, профессор экономики Варминьско-Мазурского университета, Польша; Александр Михайлович Никулин, к.э.н., директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ; Марина Геннадиевна Пугачева, с.н.с. Центра фундаментальной социологии НИУ ВУШЭ; Ирина Владимировна Троцук, д.с.н., доцент кафедры социологии РУДН; Янь Хайжун, профессор Гонконгского политехнического университета, Китай.

ВЕДУЩИЙ КРУГЛОГО СТОЛА А.М НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, прежде чем передать слово профессору Роману Киселю, аграрнику, экономисту из польского университета Ольштына, и второму нашему основному докладчику — профессору Янь Хайжун из Китая, Гонконгского политехнического университета, я хотел бы предупредить, что мы не будем специально делать доклад по сельской России, потому что большинство здесь присутствующих имеют представление о том, как у нас здесь обстоят дела, российские сюжеты мы затронем в дискуссии, когда будут вопросы, комментарии и выступления собравшихся здесь участников круглого стола.

Может быть, кому-то покажется слишком экзотическим решение объединять Россию, Китай и Польшу и обсуждать аграрные проблемы этих трех стран. Но у меня есть одно серьезное и одно шутливое объяснение этого объединения. Серьезное: должен напомнить, что примерно 7–10 лет назад группа российских экономистов (Тамара Евгеньевна Кузнецова, Лев Васильевич Никифоров и др.) очень плодотворно работала с китайскими и польскими коллегами, и не только по сельскохозяйственным вопросам. Тогда они провели ряд семинаров, в том числе объединенных польско-китайских, в которых и мне довелось участвовать. По итогам семинаров

были соответствующие публикации — очень интересные работы, и такой формат сотрудничества оказался продуктивным[1]. Я думаю, что сегодня, почти десять лет спустя, имеет смысл вновь вернуться к компаративистскому обозрению проблем постсоциалистической трансформации наших трех стран.

Что касается шутливого предуведомления: я вчера рассказывал нашему польскому коллеге анекдот советских времен в форме сказки. Существует интернациональная сказка про старика, который выловил из моря золотую рыбку, — она существует и в Германии, и в Польше, и в России. Польский старик поймал золотую рыбку и, когда она спросила, каково его желание, сказал: «Я бы хотел, чтобы китайцы вторглись в Польшу». Во второй раз, когда ему удалось вновь поймать золотую рыбку, он опять попросил, чтобы китайцы вторглись в Польшу. И когда в третий раз он опять попросил, чтобы китайцы вторглись в Польшу, золотая рыбка не выдержала: «Зачем тебе надо, чтобы они трижды завоевали Польшу?» И тогда он с радостью ответил: «Но они же трижды пройдут по Советскому Союзу». Это анекдот времен знаменитой дружбы социалистических стран.

Мне бы хотелось сказать, что наш диалог продуктивен, потому что способствует дружбе между народами наших стран и, конечно, поискам гуманного развития сельской местности трех стран здесь, за гостеприимным круглым столом германского Фонда Розы Люксембург в Москве, поддерживающего интеллектуальную проблематику дискуссий о судьбах постсоциалистического развития различных регионов мира. А сейчас я передаю слово профессору Киселю.

Р. КИСЕЛЬ: Я хочу начать свое выступление, сказав большое спасибо за приглашение здесь выступить. Я думаю, что отношения между нашими странами — они настоящие. Я не знаю людей в Польше, которые плохо относятся к России, но шутить, конечно, можно. Я благодарю Фонд Розы Люксембург и приглашаю от имени своего университета поддерживать между нашими странами и институциями контакты. Мой ректор готов пригласить представителей и Академии народного хозяйства и государственной службы, и Фонда Розы Люксембург на наши главные праздники. Наш университет теперь не самый большой, но раньше это был третий вуз в Польше с более чем 40 тысячами студентов (теперь их примерно 27 тысяч). Если «измерять» в научных кадрах, то в моем вузе работает 670 профессоров.

Я занимаюсь экономикой прежде всего, но в том числе и экономикой сельского хозяйства. Сегодня мы говорим про науки «мягкие» и «твердые», например социология и психология — прекрасные дис-

1. Китай, Польша, Россия (2012). Стратегические приоритеты развития: общие и особенные / Отв. ред. Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова. М.: Ин-т экономики РАН. Сер. Экономическая политика.

циплины, в них есть «мягкие» замеры, но в экономике таких индикаторов нет, здесь «в два раза больше», «в столько-то раз меньше», «столько-то денег — злотых, рублей» и т. д. И вот однажды редактор нашего журнала спросил Джеффри Сакса: «Что ты думаешь о такой науке, как экономика?» Он ответил, что «все науки прекрасны, а вот экономика — наука вредная». «Почему?» — «Потому что экономика говорит нам, что нужно сделать, чтобы хорошо жить. Но тут все просто: все в мире знают, что для этого нужно работать». К сожалению, не все любят работать, не все могут найти работу, не все получают настоящие результаты. Все хотели бы работать и жить хорошо, но не у всех получается. Это видно и в Варшаве, и в Москве, и в богатых западных странах: не все и в Германии, и во Франции, и в Америке наедаются досыта, не все имеют место, где жить.

Свое выступление я хотел бы начать не с подробностей экономики сельского хозяйства в Польше, а с более общих вопросов. Когда мы общаемся на конференциях, то имеем в виду «мягкие» вещи: какие дороги, какая демография, какая социология, кто кому помогает, какие училища. Но когда мы смотрим на экономику, то нам нужны «твердые» меры, чтобы лучше было в какой-то сфере, например в сельском хозяйстве, какие меры нужны, когда у людей у самих не выходит. И слово, которым эту помощь обычно обозначают в Польше, — «интервенционизм». Я смотрел в словаре, как это слово перевести — «вмешиваться». Но когда мы говорим «вмешиваться», то ведь можно и навредить, и помочь. В Польше, когда используют слово «интервенционизм», все думают о помощи, но откуда взять на это деньги? Что значит «помощь в какой-то сфере», например частникам или крестьянам? Это значит, что нужно вынуть из кармана всего населения больше денег и дороже заплатить земледельцам, которые производят продукты. И чтобы помогать, нужно ответить на вопрос: мы можем помогать или нет? А еще более важный вопрос: мы хотим помогать или нет? И до какого момента, до какой степени помогать? Пока мы не видим, что деньги на помощь берутся из наших налогов, то все в порядке, а если я сниму шапку и начну собирать деньги для бедных, то возникнет проблема. И как ввести в стране закон, по которому мы будем помогать только некоторым секторам, например сельскому хозяйству? А чтобы его ввести, нужно иметь определенные суммы. Я не хочу сказать, что Российская Федерация или Польша — это очень бедные страны. Нет, и это видно на улицах по тому, как люди одеваются, что они покупают, по тому, как много людей сидит в ресторанах. Но не всем так везет.

Вы, наверное, знаете, что в Польше случилось год назад — наше руководство сменилось. Почему? Ответ прост: потому что забыло о людях «внизу», которым до сих пор плохо или стало хуже житься. Руководители были недостаточно внимательны к этим людям, недостаточно им помогали. И люди выбрали другое руковод-

ство — вот так все просто. А сельскому хозяйству помогают во всех странах, хотя по Китаю и России я не нашел показателей. Например, Япония выделяет до 15 тысяч долларов помощи на один гектар. А у нас таких возможностей в Польше нет, нам самим такую помощь не обеспечить — только если ее предоставит Европейский союз, а он сейчас к Польше присматривается.

Однако прежде чем помогать, нужно сначала все организовать и правильно подсчитать. Например, до скольких гектаров хозяйство будет считаться семейным: 800 га (семейное хозяйство) или 300 га? Раньше люди покупали землю на очень льготных условиях, платя за нее 50%, причем выплаты были разнесены на несколько лет. Но доступ к этим землям, которые раньше были государственными, есть не у всех, т. е. лишь некоторые выиграли. Возникли латифундии, появились миллионеры. А есть такие, кто живет в старых домах, оставшихся после колхозов, совхозов. И что с этими людьми делать, как им помочь?

Помогать — это первая задача, и тут нужны деньги, но второй момент — как именно помогать. Что делает Европейский союз? Сегодня он дает польским хозяевам деньги, но когда мы станем богаче, то эти выплаты прекратятся, и как мы будем дальше жить? Мы понимаем, что должны так поднять уровень нашего хозяйства земледельцев, чтобы, когда денег Европейского союза уже не будет, они могли бы свободно конкурировать. Некоторые это понимают, у нас тоже есть фонды, и это комфортная форма: получаю 1000 злотых на гектар и покупаю, что хочу. Но это не дает роста конкурентоспособности. Поэтому нужно давать деньги там, где они позволят, например, повысить конкурентоспособность, купить машины, сделать фирму, начать оказывать услуги или что-то такое. На эту семилетку мы получили 115 миллиардов евро, и в некоторых сферах возник вопрос, как эти деньги использовать, чтобы их не вернуть назад в Европейский союз.

Почему мы сегодня помогаем сельскому хозяйству? Потому что это специфичная сфера во всем мире: и в России, и в Японии, и в Китае, и в Польше. Это долгий процесс до получения конечной продукции. Сельское хозяйство не может работать, как другие отрасли. Например, я хочу построить фабрику мебели или костюмы шить — 2–3 недели проекта, и процесс будет запущен, но вырастить настоящее растение за этот срок невозможно.

Когда я был студентом сельскохозяйственной академии, за один день свинья прирастала на 300 граммов, сегодня современные сорта скота дают в день прирост в 2200 граммов. Но на это нужны деньги, поэтому государство помогает сельскому хозяйству как более слабой и специфической экономической отрасли. И наше сельское хозяйство очень сильно отстает от сельского хозяйства Европейского союза. Прежде всего по уровню производства: каков надой от коровы, какой урожай с гектара, сколько шерсти с овцы и т. д. Во-вторых, раньше у нас аграрная структура была, как в Португалии,

Испании и Италии — 6–7 гектаров на хозяйство. Но никто в этой аудитории не поймет, как можно накормить семью в 4–6 человек с 6 гектаров, это невозможно. Проблема в том, где взять деньги на интенсивное производство и чем будут заниматься крестьяне, кроме сельского хозяйства. Они производят какие-то услуги, открывают магазин или что-то еще. Но нигде в мире, в том числе на Западе, больше 10% населения не живут только сельским хозяйством. Нужно научить людей заниматься другими вещами, и тут важна роль «мягких» проектов, которые помогают понять, что еще ты должен делать — не только сеять, не только доить коров, но прежде всего дать образование детям, купить машину, дом и т. д.

Еще одна особенность Польши: 80% земли до войны было в частной собственности. Потом стали создавать колхозы и совхозы, и когда разрешили из них выходить, то в течение одного дня из 250 их осталось 200, потому что люди приезжали, клали оружие на стол, орали друг на друга и разбирали свои земельные паи. До сих пор в Польше очень сложно идет кооперация по удельной продукции. Все думали, вот кончился социализм, теперь будет счастье — рыночные условия. 10 миллионов человек радовались, что наступит настоящий рынок и все будут жить хорошо. Но никто не ожидал, что для этого нужно много работать. 1989 год, все думают, что теперь в каждой семье будет немецкая автомашина марки «Гольф», свой дом и доход в четыре тысячи марок, а наступила катастрофа.

До этого были колхозы и совхозы — государственное и одновременно мое. А теперь получилось совсем по-другому: вы взяли землю, у вас предприятие, а я должен у вас работать, и нет другого выбора. Если я не наймусь к вам на работу, меня ждет улица. И проблема людей в том, что не все до сих пор ведут себя так, как требуют рыночные условия. Очень тяжело. Почему? После 1989 года в Польше наступили рыночные условия: раньше цены гарантировало государство — на молоко летние и зимние цены, на говядину и пр., теперь цены зависят от продаж: никто ничего не покупает — шок. Раньше не хватало произведенных продуктов, а теперь сложно их продать. Крестьяне боялись вступать в Европейский союз. Поляки подсчитывали, сколько раз Папа во время выступления в Кракове произнес «Европейский союз», чтобы голосовать за и против во время референдума. Прошел референдум, наступили рыночные условия, а польскую продукцию в Евросоюзе не покупают, потому что не то качество. Государство покупает масло только у тех земледельцев, которые делают продукцию на самом высоком уровне. Агентство покупает и много платит. А когда плохая продукция, никто этим не интересуется.

Сегодня как приходится производить продукцию? Чтобы подешевле, хорошего качества, да еще и поискать приходится, кто купит. Прежде всего нужно думать, кто купит. И с вузами то же самое: когда у нас разрешили частные вузы, появились сразу 360 новых вузов в Польше. Никто не думал — будут студенты, не бу-

дет студентов, а в итоге сегодня идет речь о том, что число вузов в Польше сократится с 280 до 50. И в каждой сфере свои проблемы — слишком много или слишком мало студентов, абитуриентов, молока и пр. Не хочу про политику говорить, но ведь продовольственное эмбарго — тоже большая проблема и для России, и для других стран. Это политика, она над нами: что может сделать человек, у которого 2000 коров, а сыр он не может никому продать? Европа переполнена продуктами питания, их всюду полно — и в Европейском союзе, и в России. Проблема только одна — цены. Спасибо.

А. НИКУЛИН: Спасибо большое. Вы очень точно и эмоционально описали палитру сельскохозяйственных проблем страны Восточной Европы в ходе рыночных трансформаций. Я думаю, коллеги, наверное, услышали много того, что касается и российского постсоциалистического хозяйства. Я предлагаю предоставить слово нашей китайской коллеге и после этого перейти к обсуждению сразу двух докладов.

ЯНЬ ХАЙЖУН: Я приношу извинения, что не знаю русский язык и буду говорить по-английски. И это очень хорошо показывает разницу между поколениями, потому что мои родители учили русский, а я принадлежу к поколению, которое говорит на английском языке.

В рамках сельского хозяйства меня интересуют разнообразные темы: производство продовольствия, аграрные изменения, но сегодня я сфокусируюсь на земельной реформе и развитии сельскохозяйственных отношений в Китае в свете этой реформы. Сначала я дам общий обзор ситуации в сельском хозяйстве Китая, которое обеспечивает ежегодно 10%-ный прирост ВВП, и 36% населения страны занято именно в сельском хозяйстве. Учитывая, что население Китая составляет 19% населения земного шара, а на Китай приходится 7% плодородной земли и 7% запасов питьевой воды, то понятно, что этот небольшой объем ресурсов должен прокормить огромную долю населения.

Основное отличие социалистического хозяйства в Китае от всех прочих форм социализма (в Польше, России) состоит в том, что сельская земля никогда не была в государственной собственности, это была собственность коллективная, общественная. Земельная реформа, которая началась в 1978 году, коснулась не столько прав владения, сколько прав пользования, т. е. фактически земля сегодня остается в собственности деревни, некоторого коллектива хозяйственников. Но права пользования делятся по домохозяйствам, причем право пользования, которое имеет домохозяйство, можно передать третьему лицу. Права пользования землей между коллективом/домохозяйством и третьей стороной всегда оформляются контрактом.

Первая волна создания этих контрактных отношений заняла 15 лет — с 1982 по 1997 год, и государство контролировало установле-

ние контрактных отношений на землю. В основе этой модели лежит эгалитарное распределение прав пользования — обеспечивались равные права пользования землей. В результате земельная собственность оказалась очень раздроблена. В среднем одно китайское домохозяйство имеет полгектара земли в своем распоряжении. И это средний показатель на домохозяйство, потому что на севере он выше, а на юге ниже (меньше полгектара). И даже эти полгектара еще делятся на 6–7 кусочков, которые раскиданы по разным местам, потому что, когда распределяется земельная собственность, осуществляется распределение земель по качеству: земля условного первого сорта, второго, третьего. И для того чтобы сохранить принцип равенства, каждое домохозяйство получает равный кусочек земли каждого качества. Ходит шутка, что в гористой местности этот кусочек земли может быть размером с соломенную шляпу. Кто-то называет этот принцип «полосочка лапши».

Проблема в том, что еще до начала земельной реформы в ряде регионов началась механизация сельского хозяйства. Но поскольку земля в ходе реформы оказалась столь фрагментирована, то механизация утратила смысл и прекратилась. Правительство, видя земельную раздробленность, решило всячески стимулировать переход земли в одни руки. Потому что общий принцип государственной реформы — «пусть несколько станут богатыми первыми», т. е. здесь очевиден отход от принципа эгалитаризма. Однако переход земли в одни руки должен иметь добровольный характер, поэтому меры стимулирования предполагали, что стихийно будут возникать большие земельные участки. Это можно назвать капиталистической аккумуляцией снизу.

В результате сегодня в сельской местности *нарастает неравенство*, и причин тому две. Первая не связана с сельским хозяйством — это демографическая ситуация в Китае. Обычно женщины выходят замуж и уходят из домохозяйства, а мужчины приводят жен в домохозяйство. Поэтому если у вас в семье много мальчиков и они привели много жен, то домохозяйство разрастается, но земля остается той же. А если у вас в домохозяйстве много девочек, то они выходят замуж и уезжают, а у вас остается тот же земельный участок, но с совершенно другим количеством работников. Вторая причина нарастания неравенства — стандартный рыночный механизм, когда в условиях рынка кто-то богатеет, кто-то беднеет, происходят разные земельные передачи и формирование земельной собственности.

Как следствие, деревня *теряет возможность коллективной координации* действий агропроизводителей, т. е. уже невозможно коллективно организовывать ирригационные работы, продажу или какие-то производственные практики. Поэтому получается, что негативные последствия земельной реформы состоят в том, что она прекратила развитие на уровне деревни промышленных практик, переработки и пр. Теперь это просто невозможно, пото-

му что отдельные домохозяйства этим заниматься не в состоянии. До земельной реформы в ряде деревень развивались промышленные практики и даже сотрудничество города и деревни в развитии сельского производства. И те деревни, которые до реформы успели развить подобные коллективные практики, в некоторой степени сохранили независимость и продолжают механизацию и индустриализацию. А те деревни, которые не смогли установить индустриально-промышленные практики до того, как началась деколлективизация, сегодня просто не имеют возможности какой-либо координации общих усилий для развития подобного агропроизводства.

Третье последствие земельной реформы состоит в том, что *усилился миграционный отток из сельской местности в города*. Причина этого оттока двойственная. С одной стороны, речь идет о «миграции против деревни»: люди уезжают из деревни, потому что там очень низкие доходы, они едут в города за другим уровнем жизни. А другая причина миграции — «миграция ради деревни», когда для того чтобы развивать сельское хозяйство, вам нужны наличные деньги и достаточно много — для покупки удобрений или сельскохозяйственной техники. Но если вы занимаетесь только сельскохозяйственной деятельностью, у вас просто нет ресурсов, чтобы покупать все необходимое для его развития. Поэтому вы вынуждены мигрировать в города, чтобы там зарабатывать, получать деньги и приобретать то, что вам нужно для сохранения и развития сельскохозяйственной деятельности.

Сегодня формируются и локальные ответы на нарастание земельного неравенства вследствие демографических тенденций. Один из них состоит в том, что во многих деревнях каждые 3–5 лет происходит перераспределение прав земельного пользования: либо согласно каким-то результатам выборов в местные органы власти, либо согласно текущей ситуации в деревне, т. е. это и есть попытки адаптироваться к нарастанию земельного неравенства. Подобные периодические перераспределения прав пользования землей не инициируются никаким уровнем власти — ни региональным, ни местным, не говоря уже о центральном. Это абсолютно низовые инициативы, которые следует рассматривать как некоторое наследие революции. В результате земельной реформы юридически более понятные права собственности фактически потеряли свое значение, потому что нет практик, их поддерживающих. В то время как права пользования, наоборот, стали содержательными и основными для жизни деревни.

С 1997 года начался второй этап *заключения земельных контрактов* — второй этап земельной реформы, в котором сейчас Китай и находится. Он будет продолжаться 30 лет, до 2027 года. Фактически это продолжение первого этапа земельной реформы, но были внесены некоторые корректировки. И основное новшество — то, что перераспределение земельных прав на уровне деревни, низовое распределение, запрещено. Теперь деревня не имеет

права решать собственные земельные и производственные вопросы. Первое последствие этого шага имеет гендерный характер: раз были запрещены перераспределения собственности самой деревней, то если женщина выходит замуж и приходит жить в деревню, она фактически теряет право на землю, потому что ее приход не влечет за собой прежде разрешенной практики перераспределения прав пользования землей. Если женщина из деревни А выходит замуж в деревню Б, то в деревне Б она земельный участок не получает, а в деревне А ее кусочек земельного участка сохраняется. Поэтому получается, что продукцию со своего кусочка земли в деревне она получает только в том случае, если ее семья согласна передавать ей эту продукцию, а если нет, то, значит, нет. Дети, которые родились после 1997 года и попали под действие второй волны реформы, не получают собственного кусочка земли, поэтому единственная возможность для них вступить в права пользования землей — унаследовать ее от родителей.

В 2006 году государство *убрало сельские налоги*. Позитивный эффект этого решения в том, что оно, конечно, снижает финансовую нагрузку на сельхозпроизводителей. Но в то же время оно подрывает позиции коллективного управления, потому что часть налогов предназначалась для общих нужд. Таким образом, во второй волне реформ государство усилило тенденции капиталистического развития как снизу, так и сверху. В последнем случае потому, что государство всячески поддерживает приход агробизнеса в деревню, причем агробизнес устанавливает договорные отношения и с отдельными хозяйствами, и в целом с коллективом хозяйств. Таким образом, налицо две тенденции: строительство капитализма «снизу» и «сверху».

Нынешняя инициатива правительства состоит в том, чтобы провести *кадастровую оценку земель*. Замеры проводятся с помощью спутников, у государства должно быть четкое представление о размерах земли, которая закреплена правами пользования за каждым сельским домохозяйством. Есть два способа кадастрового учета земли: измерение реального размера земли, которая находится в пользовании домохозяйства, либо измерение доли, т. е. какова доля земли в собственности деревни. Государство всячески настаивает, что учет земельных наделов должен вестись в реальных размерах, а не в долевых, преследуя тем самым несколько целей. Первая цель — перераспределение земли. Все эти меры государства направлены на то, чтобы сельское хозяйство получало реальные финансы. Как только проведен кадастровый учет, вы получаете книжечку, где прописаны все показатели вашей земли. И с этим документом вы можете прийти в банк и получить под свою землю в качестве залога некоторые финансовые средства. Государство заинтересовано, чтобы таким образом финансы поступали в сельское хозяйство. В настоящий момент основной источник денег в сельском хозяйстве — это миграционный труд: люди уезжают, где-то за-

рабатывают, привозят деньги в сельское хозяйство. Пока это основной источник, не 50%, но близкие показатели. И государство надеется, что кадастровый учет позволит использовать права пользования, чтобы сдавать землю в аренду, т. е. идея в том, что земля тоже должна приносить в сельское хозяйство денежные средства.

Вторая цель государства на данном этапе реформы — *усиливать урбанизационные тенденции*. Миграция предполагает, что вы ездите из города в село, туда и обратно, а реформа ведет к тому, что вы сдадите свою землю в деревне в аренду и останетесь в городе. Таким образом, урбанизация будет проходить проще, по мнению государства.

Нынешний этап реформы породил огромное количество конфликтов и споров, прежде всего в связи с тем, что благодаря кадастровому учету речь идет о *реальной приватизации*, когда вы получаете право собственности на кусочек земли. Но проблема в том, что в течение первого и второго этапов реформы, которые реальную приватизацию не предполагали, люди по-разному относились к своим правам пользования землей, и возникло много путаницы. И сейчас, когда люди понимают, что получат реальные права собственности, возникает огромное количество конфликтов, порожденных как раз длительным периодом смены приоритетов внутри земельной реформы. Один пример: в регионе Внутренняя Монголия 10 тысяч человек окружили региональный орган власти, чтобы разрешить земельные конфликты. Ученые и сельские власти озабочены тем, что реальная приватизация приведет к исчезновению прав коллективной собственности, потому что, условно говоря, если вы имеете полное право со своим кадастровым листом прийти в банк, получить деньги под залог этой земли, а в итоге вы прогорели, то у вас нет ни денег, ни земли. А что тогда остается коллективу, потому что коллективная собственность распространялась и на ваш кусочек земли. Проблема в том, что коллективные формы собственности фактически исчезают, хотя юридически существуют.

Возникает вопрос, если у нас есть *понятие общинной* или *коллективной собственности*, то кто является ее субъектом: люди, которые в настоящий момент живут в деревне и имеют право пользования землей, или, допустим, будущие поколения, которые придут после них? Ученые и сельские органы власти сейчас в Китае пишут петиции и коллективные обращения, чтобы сохранить права общественной собственности. С одной стороны, в публичных выступлениях партия действительно всячески подчеркивает, что коллективная, общественная собственность очень важна. С другой стороны, если мы смотрим на то, какие практические шаги предпринимаются в сельской местности, то на самом деле видно только нарастание приватизации и исчезновения коллективной собственности.

Конечно, есть и противодействие подобной тенденции, контрдвижения прежде всего, его олицетворяют *кооперативы*. Ситуа-

ция с кооперативами в России и Китае очень схожа в том, что здесь масса проблем и сильные кооперативы немногочисленны. Но другое более мощное контрдвижение — попытка инициирования некоторых эффективных коллективных форм деятельности. Первый тип *коллективных деревень* — те, что сохранились в форме коллективной собственности еще с периода Мао, они просто отказались принимать участие в процессе деколлективизации, и именно в них нарастает тенденция индустриализации. Один из примеров — деревня на севере Китая недалеко от Пекина. Она весьма гармонично развивает все три сектора — сельское хозяйство, производство (есть несколько фабрик) и коммерческую деятельность. Люди, которые живут в этой деревне, имеют право выбора, где они могут или хотят работать: в сельском хозяйстве, в коммерции либо в производственном секторе. Подобных успешных деревень в Китае не так много, возможно, около тысячи. А число людей, которые проживают в данной конкретной деревне, — около 20 тысяч. Есть коллективные деревни, где проживают и меньше 20 тысяч человек. Но если взять эту деревню в провинции Хунань и оценить число ее жителей, то нужно понимать, что число постоянно проживающих в деревне людей может быть небольшим, но из-за того, что в ней есть промышленный сектор, она привлекает огромное количество мигрантов, которые приезжают работать на ее фабрики и заводы.

Помимо исторически сложившихся есть и новый тип коллективных деревень, которые возникли в результате земельной реформы совсем недавно. Пример — деревня, в 2014 году чудовищно разрушенная наводнением. Партийный комитет инициировал призыв к реколлективизации и на абсолютно добровольных основах призвал воссоздать деревню, но в формате коллективной. Деревня до 2014 года существовала только в рамках сельскохозяйственного производства, а реколлективизация предполагает, что люди могут заниматься не только сельским хозяйством, но и другими видами деятельности, частным бизнесом.

Таким образом, сегодня в Китае очевидны две противоречивые тенденции. С одной стороны, государство, чиновники и экономисты прилагают все усилия и всячески пропагандируют частную собственность и приватизацию. С другой стороны, есть противоположные движения, и я являюсь их горячим сторонником, — за коллективизацию. Приведенные мной примеры деревень показывают, что следует сохранять коллективное право собственности, это хорошо для страны, когда есть возможность коллективной координации общих усилий для развития подобных форм сельской жизни.

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, спасибо большое обоим нашим докладчикам. Мы переходим ко второй части нашего круглого стола — к дискуссии. Здесь среди нас два крупнейших российских эксперта в исследованиях сельского Китая: Людмила Дмитриевна Бони и Александр Владимирович Гордон.

Л.Д. БОНИ: Прежде всего я должна поблагодарить мою коллегу Янь Хайжун за глубокий, интересный и ценный, особенно для специалистов-китаеведов, доклад по одной из самых остро дискутируемых сегодня тем китайской действительности — по земельной реформе в китайской деревне.

Чтобы были понятны мои вопросы и реплики, мне придется, отталкиваясь от ее доклада, кратко пояснить основные моменты (суть и цели) реформы земельной системы в китайской деревне, второй этап которой инициирован правительством КНР в 2013 году (тема «сертифицировании земли», затронутая в докладе Янь).

В ходе первого этапа реформы земельной системы (1978–1984 годы) была ликвидирована системы народных коммун и создана новая, двухступенчатая хозяйственная система, увязавшая индивидуальное хозяйство крестьянского двора (первая ступень) со ступенью коллективного хозяйства (вторая ступень), получившая название *коллективная хозяйственная организация* (именно ее имеет в виду коллега Янь, когда говорит о «коллективной деревне»). В основу реформы положена концепция разделения имущественного права на две части — *право общественной собственности на землю*, переданное коллективной ступени, и *право пользования землей*, переданное крестьянскому двору на основе подряда (контракта) и принципа уравнительности («по едокам»), т. е. принципа эгалитаризма (как говорила коллега Янь). В итоге в каждой деревне была создана коллективная хозяйственная организация, и практически все крестьяне деревни стали членами этой коллективной организации. Правда, во многих районах эта коллективная ступень, задачей которой было обслуживание семейного хозяйства двора различными производственными услугами и пр., оказалась крайне слабой или вообще отсутствовала (в силу целого ряда причин), и основной формой хозяйствования стало семейное хозяйство двора, насчитывавшее более 200 млн подрядных дворов (в 2016 году свыше 240 млн). Действительно, ослаб контроль за ирригационной системой, другими землеустроительными работами, поскольку с переходом к подрядной системе хозяйствования практически перестала действовать система общественных принудительных работ (бесплатных), существовавшая ранее.

Тем не менее коллективная ступень коллективной хозяйственной организации, при слабости и даже при отсутствии производственно-хозяйственной функции, продолжала выполнять свою главную функцию — управление и контроль за сохранением системы коллективной собственности, в том числе за работой подрядной системы, а по сути — контроль за распределением коллективной земли: выдача права подряда на землю, урегулирование размеров земельного надела подрядного двора, обращение права пользования на землю внутри деревни и пр., наконец, отношения с местными властями (например, при реквизиции земли).

Эта концепция реформы — *«разделение на два права»* — право собственности и право пользования, принцип *уравнительного распределении земли между дворами на основе подряда* — позволила обеспечить решение основных задач реформы и аграрной политики руководства страны в те годы. В целом она гарантировала сохранение общественной собственности на землю, одновременно обеспечив возврат к традиционной и наиболее подходящей форме хозяйствования, хорошо известной крестьянам, семейному хозяйству, что названо основным «прорывом» реформы. Форма семейного хозяйства крестьянского подрядного двора, тесно увязавшая сельского производителя со средствами производства (после многих лет отрыва), в наибольшей мере соответствовала основной обстановке китайской деревни («людей много, земли мало») и уровню развития производительных сил, специфике отрасли.

Необходимость сохранения права общественной (коллективной) собственности на землю, с точки зрения китайского руководства, диктовалась рядом важных объективных и субъективных факторов. Прежде всего чтобы решить главную стратегическую задачу экономической реформы тех лет — поднять производство и накормить народ («чтобы каждый человек имел еду») — нужен был мощный стимул мобилизации трудовой активности миллионов крестьян, каким и стал принцип уравнительного распределения земли «по едокам», ибо он отвечал идее справедливости в понимании крестьян, позволив стабилизировать деревенское общество, стимулировать интенсификацию простого труда, решить продовольственную проблему на базовом уровне («проблему живота») или «*вэньбао*» (тепла и еды). Но использовать социальную функцию земли (как основного средства поддержания существования крестьян) можно было лишь на основе коллективной собственности на землю, но не частной, согласно опыту китайской истории.

Были и другие не менее важные причины сохранения общественной собственности на землю в деревне: необходимость не допустить в условиях развивающегося рынка перераспределения земельных ресурсов в интересах меньшинства и неизбежного обезземеливания наиболее бедной и весьма значительной части крестьянства, и, как следствие, обострения социальных противоречий в деревне, нарушения стабильности в обществе. Наконец, в условиях расширения рыночных отношений важно было сохранить, не дать растащить общенациональный пахотный клин как основу общественного производства и решения продовольственной проблемы, столь важной для страны с огромным населением. И, конечно, самое главное — сохранение общественной собственности (коллективной ее формы) на основные средства производства в деревне, землю в первую очередь, соответствовало генеральной линии руководства страны на построение социализма с китайской спецификой в деревне, обеспечивало его контроль над всей сферой аграрной экономики в условиях рынка.

В конечном счете эта двухступенчатая система хозяйствования стимулировала резкий рост производства и доходов крестьян (среднегодовые темпы роста доходов свыше 14% в 1978–1984 годах), позволив в короткие сроки в основном решить проблему продовольствия для населения страны, а также проблему дешевой рабочей силы для индустриализации (ибо подрядное хозяйство быстро выжало из земледелия огромные излишки рабочей силы, сделав скрытую безработицу явной).

Однако по мере развития экономики при дефиците земельных ресурсов и непрерывном росте сельского населения *уравнительный характер распределения земли оказался тупиковым*: он вел к все большему измельчанию земельных наделов, усиливая характер маргинальности, высоких издержек и неэффективности мелкого распыленного крестьянского производства. По данным министерства сельского хозяйства Китая, земельный надел двора в 1986 году составлял в среднем 0,61 га и включал 8,4 отдельных кусков полей, в 2008 году — уже 0,49 га с числом полей — 5,7, а на конец 2011 года на 1 двор пришлось только 0,37 га (при подрядной пашне в 85,59 млн га и общем количестве подрядных дворов 229 млн единиц)[2], т. е. всего за 26 лет размер земли семейного хозяйства сократился почти на 40%[3]. Все больше сокращались возможности душевого размера земли в поддержании существования крестьян: в начале 2000-х годов в 1/3 провинций душевой размер земли был менее 1 му (0,067 га), а в 1/3 уездов — менее 0,8 му (0,046 га), а это, согласно научным критериям, означало, что в 1/3 провинций способность земли обеспечить существование крестьян достигла низшей черты, а в 1/3 сельских уездов соотношение людских и земельных ресурсов было уже недостаточным для поддержания существования человека[4]. Эту истину подтверждает тенденция существенного сокращения доходов двора от сельского хозяйства, которое перестало быть главным источником дохода крестьян. Именно нехватка дохода от сельского хозяйства и поиски дополнительных видов источников существования и средств для развития производства стали главной причиной, стимулировавшей процесс миграции сельскохозяйственного населения сначала в другие отрасли (сельскую промышленность), затем — все больше в город.

Коллега Янь говорила о двух этапах реформы, имея в виду сроки действия подрядной системы — первый срок 15 лет, второй — с 1997 года, когда срок действия подрядной системы на землю был продлен еще на 30 лет. При этом она обращала внимание на измене-

2. Нунфасо = 35 420
3. *Тецзюнь В.* (2005). Реформа земельной системы и проблема доходов крестьян // Чжунго цзинцзи фачжань яньцзю баогао. (Исследовательский доклад о развитии китайской экономики). Чжунго жэньминь дасюэ. Чжунго жэньминьдасюэ чубаньшэ. Пекин. С. 266.
4. Там же. С. 266.

ние политики эгалитаризма с этого времени (1997 г.), т. е. отхода от уравнительного типа распределения земли в деревне, когда правительство ввело установку: «при увеличении числа членов семьи не увеличивать надел подрядной земли, при сокращении числа членов семьи — не уменьшать его», что положило начало «земельному неравенству», по словам Янь. Как защитник интересов крестьянства и коллективной экономики Янь Хайжун сетовала на то, что дети, родившиеся после 1997 года, не имели права на «свой» участок подрядной земли и могли лишь наследовать то, что имели их родители, а женщины, вышедшие замуж и переселившиеся в семье мужа, фактически лишались права на получение своей доли земельного подрядного надела. И это правда. И выход был только один: две семьи объединяли свои наделы, если позволяли условия, иначе приходилось приарендовывать часть земли у соседних дворов, где был ее «излишек». Другого выхода не было, ибо не было земли: сохранение принципа уравнительности означало гарантию получения своего надела земли не только всем нынешним жителям деревни, но и будущим поколениям, а такой возможности уже не было. Это суровая объективная реальность.

Бесконечные административные урегулирования размеров подрядных наделов, осуществлявшиеся в деревне каждые несколько лет в связи с изменением демографической ситуации, подрывали стабильность самих подрядных отношений, не стимулировали крестьян осуществлять долгосрочные инвестиции в землю, повышать ее плодородие, не культивировали бережного отношения к земле. При этом местные управленцы при таких урегулированиях обычно злоупотребляли положением в своих особых интересах.

Нужна была новая реформа земельной системы в деревне. И 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) принял решение «об углублении реформы» в деревне, в первую очередь реформы земельной системы.

Первое ее направление — *создание системы хозяйствования в сельском хозяйстве нового типа*. Основная задача реформы: изменить характер землепользования, стимулирующий мелкое крестьянское производство, основанное на принципе уравнительного распределения земли, решить проблему распыленного парцеллярного характера хозяйствования на земле, создать условия для концентрации земли и развития масштабного хозяйства как первый важный шаг на пути к модели развития современного сельского хозяйства с упором на интенсификацию производства, специализацию и кооперацию, повышение качества и эффективности. (По оценкам китайских ученых, экономически эффективным можно считать хозяйство с наделом земли не менее 3–6 га, т. е. в 10 раз больше нынешнего среднего размера земли на двор.)

Иначе говоря, предстояло решать самую острую проблему в деревне — проблему урегулирования земельных отношений: вместо административного урегулирования размеров подрядной земли осу-

ществить переход к другому, более эффективному способу перераспределения и размещения пашни. Этим способом могло стать и фактически уже стало рыночное обращение земли (пока еще внутри деревни).

Пути решения этих задач подсказывала сама жизнь. К 2013 году из сельского хозяйства ушло 275 млн излишней рабочей силы (свыше 40% всей сельскохозяйственной рабочей силы), они больше не работают на земле. Покидая деревню, сельские мигранты обычно передавали свой подрядный надел соседу или родственнику (как правило, возмездно) для ведения хозяйства, а право подряда на эту землю оставалось у них. В результате возникла и получила широкое распространение стихийная тенденция разрыва, *разделения права пользования на землю* (его называют правом подрядного хозяйствования) на две части — *право подряда*, которое сохраняется за сельским мигрантом или хозяином двора, и *право хозяйствования*, которое возмездно передается новому хозяину в деревне.

«Освободившееся» право хозяйствования (т. е. часть права пользования) через процесс обращения земли начало все больше концентрироваться в руках предприимчивых крестьян, создавая основу для формирования новых форм хозяйствования, таких как крупные зерновые дворы, семейные фермы, крестьянские кооперативы, сельскохозяйственные предприятия, что стимулировало развитие укрупненного, т. е. масштабного хозяйствования. Эта стихийно развившаяся тенденция получили свое политическое оформление в официальных документах правительства по реформе. В основу концепции реформы (нового ее этапа) положен принцип *«разделения трех прав»: права собственности на землю, права подряда* и *права хозяйствования*, первое из них надо укреплять, второе — стабилизировать, а третье — оживлять.

Основные принципы концепции этой реформы гласят: сохранение коллективной собственности на землю, укрепление подрядных отношений на длительное время, семейное хозяйство — основа новой системы хозяйствования, формирование субъектов разных новых форм масштабного хозяйствования, их совместное развитие, расширение многоукладной аграрной экономики. На 2014 год, по данным обследования, в сельском хозяйстве уже насчитывалось 877 тыс. семейных ферм со средним земельным наделом в 200 му (13,4 га) каждая, 28,994 млн ед. крестьянских кооперативов (на конец 2013 г.), 123,4 тыс. ед. головных сельскохозяйственных предприятий (на конец 2013 г.)[5].

Вот здесь коллега Янь выступает с резкой критикой этой концепции нового этапа реформы земельной системы и политики правительства, всячески поддерживающего формирование этих новых форм хозяйствования, которые «и сверху и снизу стимулируют тенденцию к капитализации». Она совершенно права, эти новые формы хозяй-

5. Чжунго нунцуню цзинцзи (2014–2015) // Люйпишу. С. 115, 134, 162.

ствования носят в основном рыночный характер, и тенденция капитализации имеет место, особенно это касается частного промышленного и торгового капитала, представляющего в деревне агробизнес (речь идет о хозяйствах вертикальной кооперации по схеме «головное» предприятие + семейное хозяйство двора (дворов) или предприятие + крестьянский кооператив + двор(ы)). Янь Хайжун называет эти виды кооперации как «поглощающие» обычные семейные хозяйства. В реальности отношения партнеров в такой кооперации, как правило, неравноправны, но мелкие распыленные крестьянские семейные хозяйства иначе вообще не в состоянии пробиться к «большому рынку», а от этой кооперации они тем не менее получают не только доходы, но и ряд других возможностей, способствующих их производству. Несомненно, что в условиях все большего развития рынка в деревне рыночные тенденции набирают силу, и это присуще смешанной экономике.

Но есть и механизмы, ограничивающие чрезмерный разгул рыночных сил. Это прежде всего сохранение права собственности на землю и другие основные средства производства (крупные ирригационные сооружения и пр.). В последнее время все больше усиливается контроль над деятельностью частного капитала в деревне, введение ее в определенные и жесткие рамки; в то же время государство стремится максимально использовать его ресурсы и возможности для развития отраслей современного сельского хозяйства.

Поскольку реальная действительность в стране опережает реформу, которая фактически начата на основе принятия политического решения руководством страны и не имеет под собой пока готовой правовой и институциональной основы, постольку естественно возникла определенная опасность ослабления контролирующей роли системы общественной собственности, в том числе *права подряда*, по сравнению с новой ролью отделившейся части права пользования, т. е. *права хозяйствования*. Известны случаи, когда крестьяне-мигранты теряют свое подрядное право на коллективную землю, отдав в аренду или уступив свое право хозяйствования третьему лицу. И это связано как с отсутствием четкой и прочной правовой базы, так и с несовершенством земельного рынка в деревне.

Коллега Янь отмечает эти явления как «утерю контроля со стороны коллектива деревни» над ситуацией и как «ослабление содержания коллективной формы собственности в пользу усиления роли права пользования» и выражает справедливое беспокойство по этому поводу. Такое нестабильное (скорее, неустоявшееся) положение вновь переструктурированного имущественного права на землю в деревне хотя и имеет место, но, как нам кажется, является лишь временным явлением. Оно связано с отсутствием пока готовых теоретических подходов и неразработанностью институциональной базы под эту концепцию реформы (разделения трех прав) и отражает реальное состояние дел в деревне на данный момент.

В стране ведутся горячие теоретические споры ученых, развернута большая работа по корректировке основных законов земельного законодательства, идут эксперименты по отработке модели реформы.

В этой связи мой первый вопрос как раз касается этого положения дел: *В какой мере и как гарантировано право хозяйствования на подрядной земле субъектов новых форм хозяйствования (семейных ферм, крупных зерновых дворов, крестьянских кооперативов, агропредприятий)? Ведь они составляют основу будущей системы современного сельского хозяйства страны.*

ЯНЬ ХАЙЖУН: Их право хозяйствования (пользования) гарантировано только договором с коллективным хозяйством и крестьянским подрядным двором, уступившим свое право хозяйствования.

Л.Д. БОНИ: Такой гарантии (договорного типа) далеко не достаточно, но серьезных правовых гарантий пока нет. Новые хозяева, осуществляя инвестиции и развивая товарное эффективное производство, хотят иметь более прочные и к тому же правовые гарантии и защиту своего хозяйства на годы вперед. От этого будет зависеть стабильность сельхозпроизводства и сама возможность смены модели развития. Известно, например, что один из ведущих теоретиков-аграрников страны — Лю Шоуин (Институт экономики при Народном университете Китая) с группой ученых взяли на себя обязательство разработать теорию концепции «разделения трех прав» в ближайшие три года, т. е. где-то к 2020 году.

Правительство между тем предпринимает меры по стабилизации подрядных отношений на длительное время, меры по усилению роли права подряда на землю. В последних официальных документах заявлено, что лишь член коллективной организации имеет право подрядного хозяйствования на земле, на основании которого может или сам работать на земле, или передать в обращение его часть, т. е. право хозяйствования, получив, таким образом, имущественный доход. Иначе говоря, право подряда, выдаваемое каждому члену коллектива, выступает своего рода гарантией равного шанса у каждого крестьянина или двора как члена коллектива, на пользование коллективной землей и получения от нее дохода как средства обеспечения минимального уровня существования. Никто не может отнять у крестьянского двора его право подряда, заявлено в документе, в том числе и у сельских мигрантов, которые ушли в город, но еще окончательно не порвали с деревней. Эта гарантия права подряда для каждого двора выступает как своего рода защита от так называемой *«пролетаризации»*.

Более того. Концепция этой реформы признает категорию *«семейное хозяйство» — основой* новой хозяйственной системы, и это не случайно. Имеет место официальное ограничение размеров и масштабов укрупнения хозяйств как важное условие развития многоукладной аграрной экономики на длительное время. И даже

сам термин «масштабное хозяйство» имеет перед собой непременную приставку — «соответствующих размеров». Это ограничение связано с историческими условиями нынешнего этапа, когда мелкое крестьянское семейное хозяйство является превалирующим и будет таковым еще много лет, и ускоренные темпы развития современных форм хозяйствования могут сделать безработными значительную часть сельского населения, что считается недопустимым. Это тоже своего рода гарантия от «пролетаризации».

Наконец, согласно концепции нового этапа реформы, развитию *коллективной экономики* придается важное значение как одному из укладов формирующейся многоукладной аграрной экономики Китая. Перспективы усиления роли и укрепления основ коллективной экономики в деревне руководство страны связывает (с 2015 г.) с новым центральным направлением «углубления» реформы земельной системы — *с реформой системы имущественного права крестьян в отношении коллективного имущества в деревне*. Именно с этим связано «сертифицирование» земли, о котором в конце доклада упоминает коллега Янь.

Эта реформа должна решить «проблему денег в кармане крестьян», т. е. открыть новые источники доходов крестьян и средств на развитие масштабного хозяйства, модернизации за счет оживления и реализации имущественных прав крестьян на коллективное имущество через рынок. Чтобы создать эти новые источники доходов, механизм их накопления и мобилизации, нужно прежде всего создавать в деревне полноценную систему имущественного права крестьян на коллективное имущество, механизмы ее защиты и оживления. Для этого «через уяснение имущественного права создавать рынок имущественного права, оживить все коллективное имущество, чтобы крестьяне получали доход от этого ожившего имущества. Это и есть сегодня реформы системы имущественного права в нашей деревне»[6]. Содержание реформы включает целый ряд этапов: 1) уточнение имущественного права, четкое определение его принадлежности, обеспечение правовой основы для защиты этого права; 2) капитализация коллективного имущества и выделение доли каждого члена коллектива в этом имуществе, закрепленное официальным документом-сертификатом; 3) создание рынка имущественных прав в деревне и реализация имущественных прав крестьян; 4) развитие долевой кооперации в деревне.

Начиная с 2015 года развернулась широкомасштабная работа по созданию полноценной системы имущественного права в коллективной экономике деревни, «уточнение имущественного права, его регистрация и выдача документа каждому члену коллектив-

6. *Шанси Л.* Совершенствовать систему имущественного права в деревне, сокращать разрыв в уровне доходов города и деревни.URL.http://rdi.cass.cn/show_News.asp? id=36691

ной хозяйственной организации» (коллега Янь назвала этот процесс «сертификацией»).

Земля в деревне — главное имущество крестьян. Оживить и мобилизовать этот пока «спящий» внутренний потенциал в деревне — значит сформировать новый важный фактор роста аграрной экономики, доходов крестьян. Масштабы коллективного имущества в деревне на сегодня таковы: общая площадь коллективной земли в деревне 6,69 млрд му (448,23 млн га), включая 5,53 млрд му (370,51 млн га) земли, используемой в сельском хозяйстве, и 310 млн му (20,77 млн га) — земля для строительных целей; стоимость имущества хозяйственного характера составляет 2,4 трлн юаней (примерно 300 млрд долл.)[7].

Мое мнение по поводу тенденций «капитализации сверху и снизу». Тенденции капитализации в китайской деревне не противоречат китайской теории «социалистической системы рыночной экономики» начальной стадии социализма в Китае. Согласно ей рынок рассматривается как органическая составляющая хозяйственного механизма товарной экономики, одновременно макрорегулирование государства является неотъемлемой его частью.

И в заключение хочу задать вопрос: *Как формируется доход крестьянского двора и каковы его основные источники? Может ли быть выполнена в китайской деревне программа «сяокан» (программа «полного построения среднезажиточного общества» в ближайшей перспективе)?*

ЯНЬ ХАЙЖУН: В сельском хозяйстве Китая в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда доход двора более чем на 3/4 опирается на источники вне сельского хозяйства, его главным источником выступает доход от заработка сельских мигрантов в городе, который в последнее время перестал быть устойчивым (темпы роста доходов крестьян в последние несколько лет стали падать). Чтобы сделать сельское хозяйство снова основным источником доходов крестьян, нужны модернизация и смена самой модели развития, плюс ускоренная урбанизация, способная оттянуть еще больше рабочей силы из агросферы. Как известно, к концу 2020 года в Китае должна быть завершена стратегическая программа «*сяокан*», программа существенного улучшения социального положения городского и сельского населения (в последние десять лет 2010–2020 годы). Деревня рассматривается как слабое, отстающее звено в реализации этой программы в срок. В этих условиях руководство страны сосредоточило основные усилия на таких важных направлениях в рамках программы «*сяокан*», как сокращение разрыва в степени доступа к основным социальным услугам (образование, здравоохранение, социальное страхование и пр.) и борьба с бедностью, вплоть до полной ликвидации абсолютной бедности

7. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id-35828

в стране, в том числе в деревне в более чем 500 уездах (критерий границы абсолютной бедности — 2300 юаней на душу в год, т. е. около 1 долл. в день).

В.В. БАБАШКИН: Из того хитросплетения противоречий, которое видится мне в сегодняшнем обсуждении проблем аграрного реформирования, выделю одно — только что прозвучавшее в ответе Янь Хайжун. Ускоренная урбанизация как один из факторов повышения социальных параметров деревенской крестьянской жизни в современной КНР. С одной стороны, урбанизация в Китае и так идет мощными темпами, в больших количествах поглощая излишек рабочей силы на селе. Мы знаем также, сколь велика была роль быстрой урбанизации в СССР сперва в 1930-е, а затем в 1950–1960-е годы в эволюции аграрных отношений в нашей стране. О том, что это было по сути своей и чем в конечном итоге обернулось для судеб советской деревни, острейшие споры в нашей современной аграрной историографии не прекращаются. Подчеркну, что в советской историографии именно в этой области любые споры и сомнения особо жестко пресекались, так как ответ был предельно логичен и непротиворечив. И мы его хорошо помним, но этот ответ очень плохо увязывается с тем, что произошло с советскими колхозами и совхозами в дальнейшем.

С другой стороны, крупные аграрники всегда с подозрением относились к проблеме развития городов. Вспомним любопытный момент из знаменитой крестьянской утопии А.В. Чаянова, написанной в 1919 году: одним из важнейших законодательных установлений грядущей в 1930-е годы крестьянской революции в России стал указ об ограничении численности населения любого города, включая Москву, 30 тысячами человек. Нечто подобное писал уже ближе к нашим дням о чрезмерной концентрации городского населения в КНР и классик мирового и китайского крестьяноведения Фэй Сяотун[8].

Я бы, наверное, не стал упоминать здесь этот текст Чаянова. Однако ознакомившись со статьей Янь Хайжун о капитализме «сверху» и «снизу» в современном китайском сельском хозяйстве, с удовольствием обнаружил, насколько велик интерес современных китайских аграрников прокрестьянских убеждений к теоретическому наследию нашего выдающегося соотечественника. Они даже полагают, что если всерьез говорить о «капитализации без капитализма» или о «капитализме без пролетаризации», то реальные отношения в аграрном секторе современного народного хозяйства КНР более адекватно было бы описывать не в классических категориях капитализма и социализ-

8. *Сяотун Ф.* (1989). Китайская деревня глазами этнографа / Пер. с кит. В.М. Крюкова; вступит. ст. В.М. Крюкова; предисл. Б. Малиновского. М. С. 243.

ма, но при помощи какого-нибудь другого «-изма». И этот последний мог бы быть как-то связан с именем Чаянова — «Chayanovian»[9].

Возвращаясь к вопросу о нынешней урбанизации в КНР, выскажу такое предположение. Российским аграрникам, безусловно, необходимо изучать опыт постепенного и бережного решения проблем земельной собственности, владения и распоряжения землей в Китае с 1978 года в попытках понять, по каким причинам в России начала 1990-х все шло иначе. Китайским же коллегам необходимо внимательно присмотреться к проблемам нашей современной урбанизации, перенаселенности больших городов и набирающей силу тенденции к переселению людей в сельскую местность.

А.В. ГОРДОН: С большим удовольствием выслушал доклады Романа Киселя и Янь Хайжун. Картина очень пестрая, и вместе с тем при различии исторических обстоятельств, политического режима и уровня коммерциализации есть общие проблемы развития сельского хозяйства. Одна из них — так называемое перепроизводство. В Польше меньше, в Китае критически еще полвека назад стояла задача роста сельхозпроизводства. В одном случае выявлялась проблема недопотребления, в другом — недоедания и спорадического голодания. Естественно, перед властью и перед крестьянином стояла задача всемерного роста производства, так сказать любой ценой. И когда у крестьян появилась мотивация благодаря ослаблению госрегулирования и формированию рынка, они с этой задачей в количественных показателях справились.

Теперь встала проблема конкурентоспособности: в Польше, как я понял, это прежде всего проблема качества продукции, а также условий ее реализации, в Китае — сокращения издержек производства. Дополняя сказанное Янь, я бы на первое место поставил необходимость сокращения трудозатрат, ибо бурный рост сельхозпроизводства после деколлективизации был связан именно с трудоинтенсификацией.

Янь в качестве решения проблемы перепроизводства предлагает усиление регулирования рынка либо госорганами («планирование»), либо соглашением между самими производителями. Думаю, это неудачное предложение. Как заметила Людмила Дмитриевна Бони, госрегулирования в Китае и так хватает, в 1990-х годах избыток его привел к стагнации производства зерновых. В противоположность Янь Хайжун думаю, что проблемы сельского хозяйства Китая обусловлены не избытком коммерциализации (вопрос о коммерциализованности социальной сферы я не рассматриваю, здесь я согласен с Янь полностью, это такое же бедствие, как в России). Наоборот, в производственной сфере как на макроэкономическом

9. *Yan Hairong, Chen Yiyuan* (2015). Agrarian Capitalization without Capitalism? Capitalist Dynamics from Above and Below in China // Journal of Agrarian Change. Vol. 15. No. 3. July. P. 370.

уровне, так и в агросфере в частности отмечается недоразвитость рынка.

Вопрос как раз и уперся в рынок земли, форму земельной собственности. Существующая так называемая коллективная собственность снижает мотивацию улучшения земли у крестьян и препятствует необходимой концентрации производства: средний семейный надел полгектара — расчетный минимум эффективного хозяйствования 5 га. Поэтому, в отличие от Янь, я считаю, что предпринимаемые китайским руководством меры поощрения деколлективизации землепользования в развитие реформы 1978 года продуктивны.

Янь Хайжун заявила о своей позиции сторонницы реколлективизации. Народники России всех времен хорошо бы ее поняли. Я не принадлежу к этому популярному направлению, ибо, разделяя демократические идеалы Янь Хайжун, не менее откровенно утверждаю: реколлективизация — тупиковый путь.

Янь аргументирует свою позицию ссылкой на «коллективные деревни», сохранившие в общедеревенской собственности производственные фонды в виде промышленных предприятий. Об этих так называемых «поселково-волостных предприятиях» существует значительная литература, в которой их функционирование выглядит далеко не однозначно. Время расцвета для них — 1980–1990-е годы, когда нужно было насытить потребительский рынок Китая, а также России и других бывших соцстран Восточной Европы (той же Польши) дешевым ширпотребом. Теперь у этих предприятий сложности со сбытом, тем более что переход на высокотехнологичную продукцию для них затруднен из-за невысокого качества рабочей силы.

И эта проблема не решается. Условия работы здесь были крайне тяжелыми, диктат начальства — суровый, дисциплина — казарменная. Отсюда и большая текучка. Причем уходят местные жители, а их место занимают мигранты из более бедных районов. Коренной вопрос, который, к сожалению, обходит Янь. Кто субъект собственности на эти предприятия? В большинстве случаев хозяевами являются деревенские начальники и их родственники.

Это же относится и к распоряжению землей. Фактически коллективной землей распоряжаются партсекретари и главы деревенских комитетов, за спиной которых администрация более высокого уровня. Отсюда, в частности, бесчисленные конфликты из-за компенсации за изъятие деревенской земли под городскую застройку и промзоны.

Пока не изменятся властные отношения на деревенском уровне, *реальная коллективизация* с получением решающего голоса для простых крестьян невозможна.

Сказанное отнюдь не означает, что ситуация безнадежна. Кооперация не только возможна, но и желательна. Парадоксально, что сбытовая кооперация или кредитно-ссудная вполне успешно развивалась в предреволюционной России. Миром собирали деньги

на приобретение минеральных удобрений или техники. А вот сейчас практически ни в одной из постсоциалистических экономик кооперация не развивается.

Мне кажется, что вместо идеологических лозунгов в пользу «реколлективизации» лучше заняться практической работой по развитию общественного начала в деревне (кооперация, местное самоуправление, демократизация структуры власти на деревенском уровне, где, несмотря на внедрение выборов деревенских комитетов, остается немало серьезных вопросов).

И у меня еще один вопрос насчет экологии — это проблема проблем. Поскольку в Китае очень высокий уровень интенсификации производства, за счет чего он достигается — за счет химизации, к сожалению. А химизация имеет оборотную сторону. Насколько серьезна сейчас для Китая экологическая проблема? Потому что прежде всего земля меньше дает урожай; во-вторых, это здравоохранение — существуют целые «раковые» деревни, где высок уровень онкологических заболевании; в-третьих, китайские ресурсы уже не выдерживают экономического роста, и в деревне земля утрачивает свои производительные возможности.

ЯНЬ ХАЙЖУН: Прежде чем отвечать на вопрос об экологии, я бы хотела сделать уточнение относительно субъекта коллективной собственности. Сама эта идея — коллектива, который принимает решения, тоже критикуется, потому что в ней есть свои плюсы и минусы. Сегодня сложилось несколько моделей того, как коллектив координирует экономическую деятельность. Например, недалеко от Гонконга есть деревня в дельте реки, ее жители просто сдают свою землю компаниям из Гонконга в аренду, и у каждого домохозяйства есть своя доля в арендной плате. Домохозяйства как бы становятся абсолютными рантье, но очень четко следят за тем, чтобы каждое домохозяйство получало одинаковую со всеми долю в доходе от аренды земли.

Второй момент: созданные в 1980–1990-е годы в Китае сельскогородские товарищества бурно развивались и были в большей степени ориентированы на сельских жителей. Потому что каждое домохозяйство в деревне, где возникала эта структура, имело свою квоту на работу, т. е. в каждом домохозяйстве в этом товариществе работал один или два члена. Тщательно соблюдался принцип равенства: все, кто живет в сельской местности, каждое домохозяйство имело равные права на участие в деятельности этой организации. Не как акционеры, не на трудодни, а на рабочее место: каждое домохозяйство должно было иметь равное количество рабочих мест в этой организации. Но, конечно, государство было больше заинтересовано в городском развитии, поэтому под влиянием множества причин — и уровень образования горожан, и собственные инициативы, и бизнес-знания, и поддержка государства — сельскогородские товарищества в итоге оказались неэффективными, хотя

принцип коллективной координации здесь существовал — распределение квот на рабочие места.

Тот пример, который я привела с вновь возникшей в 2014 году коллективной деревней, он более жизнеспособен, потому что происходит коллективная дифференциация сельскохозяйственной деятельности. Например, жители деревни коллективно решили, что будут выращивать лимоны: они посадили лимоны, строят производство, чтобы эти лимоны перерабатывать на джемы, варенье и пр. Это коллективное решение, и приоритет в трудоустройстве на производстве лимонов имеют жители деревни. Условно говоря: пока все жители коллективной деревни не трудоустроены, речь не идет о найме внешних работников.

Теперь об экологии. Действительно, в Китае экологические проблемы стоят острее, чем в других регионах мира. Первоначальная задача состояла в достижении продовольственного самообеспечения, сейчас оно на уровне 72–75%. И продовольственное самообеспечение сначала обеспечивалось за счет сельскохозяйственной деятельности домохозяйств, которые чрезмерно использовали пестициды и химические удобрения. В итоге это привело к тому, что сейчас одна из ключевых проблем в Китае — это безопасность продовольствия, т. е. той сельскохозяйственной продукции, которая производится.

л.д. бони: Я бы хотела сделать комментарий и задать вопрос о том, каковы пути повышения доходов крестьян в настоящее время? Сейчас над чем бьются — над повышением производительности, а в сельском хозяйстве сделать это сразу трудно, поэтому осуществляется укрупнение и расширение его масштабов. Вот профессор Кисель сказал, что в Польше 6–7 га на семью — это мало, они не прокормят семью из четырех человек, правильно?

р. кисель: Это зависит от того, какое производство. Институт экономики считает, что если одна корова дает, например, 6 тысяч литров молока, то нужно иметь 50 коров, а для производства зерновых нужно иметь 150 га земли, но у нас средний размер хозяйства — около 12 га, в моем воеводстве — 22. Этого не хватает, чтобы прожить при средней норме производства.

л.д. бони: А в Китае у многих мечта увеличить свой земельный надел, потому что надел на душу у них настолько мал, даже на хозяйство, что он должен быть в десять раз выше, чтобы только обеспечить жизненный минимум. Крестьяне мечтают, что у них будет 3,7 га — вот это тогда будет хорошее хозяйство, но это невозможно. Поэтому увеличить доходы в сельском хозяйстве можно только за счет модернизации и перехода к масштабному хозяйству. А это довольно долгий путь — через реформу земельной системы, землепользования. И чтобы в ближайшую пятилетку нагнать отставание

(разрыв по доходам между городом и деревней сегодня составляет 3:1), акцент сейчас делается на подтягивании основных общественных услуг в деревню — здравоохранение, образование, соцстрахование, потому что разрыв между городом и деревней по обеспеченности этими услугами составляет 5–6 раз.

Огромные инвестиции вливаются в улучшение общественных услуг, чтобы выровнять положение города и деревни, — это первое. А второе — это широкомасштабная программа борьбы с бедностью, которая давно ведется в Китае. За последние 30 лет повысился уровень жизни 2/3 беднейшего населения. Однако нужно учитывать, что государство меняет критерии отнесения к бедным, и, соответственно, меняется количество бедняков. По последним критериям, абсолютная бедность — это доход ниже одного доллара в день.

В Китае действует широкомасштабная программа борьбы с бедностью, причем она идет направленно — одновременно вширь и вглубь, потому что в каждом конкретном районе принимаются свои программы: где-то создаются новые отрасли, где-то население переселяют. Например, в рамках борьбы с бедностью существует программа переселения людей из районов экологически тяжелых и с бедными природными ресурсами, в основном из горных районов, где местное население уже уничтожило всю растительность. 10 миллионов человек по этой программе будет переселено в более благоприятные природные условия, чтобы развивать там прежде всего земледелие. И на эту программу брошено 600 миллиардов юаней. Можно сказать, что нет худа без добра, и для китайской деревни наступил звездный час. Хотя с падением темпов экономического роста уменьшаются и бюджетные доходы, но принято постановление не просто не снижать, а увеличивать расходы на деревню, на сельское хозяйство, именно по этим двум направлениям: на общественные услуги и на преодоление бедности.

Р. КИСЕЛЬ: Хотел бы сделать дополнение. Одно — это площадь или территория хозяйства, а второе — площадь земли в расчете на человека. Сорок лет назад в Польше было 80 акров сельскохозяйственной земли на человека, а теперь 36 акров; самый большой данный показатель — в США и России, но это ни о чем не говорит. В Белоруссии всего 5–6 акров, но хватает. Пока мы все в Польше делали так, как сверху приказывали, у нас ничего не было, поэтому были протесты. А теперь, когда сверху ничего не приказывают, проблема с продукцией — куда все это девать, когда никто не хочет покупать. У нас все это лежит и пропадает: сыры, творог, молоко — все-все-все. Раньше мы производили 50 миллионов тонн картофеля, теперь десятую часть, но никто картофель не кушает, продать не могут. Поэтому важна не только общая площадь земли, но и площадь земли, которую обрабатываем в расчете на человека, а также уровень химизации, механизации и пр. У нас в Польше экспорт на хозяина — до 2 тысяч евро в среднем, в Гол-

ландии — 20 тысяч евро с пяти аров на человека. Поэтому приказы «сверху» ничего не дадут, и в Польше это доказано.

М.Г. ПУГАЧЕВА: Я знаю, что, например, в Латвии Евросоюз платит владельцам земли небольшие суммы, чтобы они их не обрабатывали и ничего там не выращивали, а в Польше?

Р. КИСЕЛЬ: У нас тоже, только раз в год нужно все, что выросло, скосить. Ничего не делаете, получаете в год 250 евро только за это, когда у вас животные, получаете до 500 евро.

М.Г. ПУГАЧЕВА: У меня еще вопрос. Вы говорили, что субсидии от Евросоюза скоро прекратятся?

Р. КИСЕЛЬ: Да, прекратятся, потому что финансовая помощь зависит от уровня богатства. Когда мы достигнем показателя в 70% от среднего уровня жизни в Евросоюзе, мы прекратим получать деньги. Например, в Польше самая большая и богатая область — центральная, Варшавская. Мы хотим отделить Варшаву от территории нашего воеводства, как было сделано в Хорватии, сделать четыре провинции или области, чтобы подольше получать деньги от Евросоюза. И так крутиться и получать финансовую поддержку. Она выделяется и стране в целом на сельское хозяйство, и на региональные программы развития человеческого капитала. Фактически мы в последний раз получили большие деньги, потому что из-за решения Великобритании о выходе из Евросоюза будут меняться его программы. Камерон хотел снизить 1% отчислений из бюджетов 28 стран до 0,8%, т. е. это 20%: так мы получаем 114 миллионов, а если снять 20%, то получим на 25 миллионов меньше, а это огромная сумма. Пока мы первые в Европейском союзе по размеру получаемых денег, но это в последний раз, вскоре мы будем получать уже совсем немного, а потом, может, сами будем плательщиком. Почему Норвегия не хотела в Евросоюз и два раза проводила референдум, Швейцария не хотела — потому что они богатые и должны в три раза больше платить, а они не хотят, хотя богатые должны делиться с бедными.

А.М. НИКУЛИН: Два вопроса фактически было затронуто в комментариях. Первый — это проблема сбыта сельскохозяйственной продукции, которая очень болезненна в Польше. В России это тоже очень болезненная проблема, особенно для мелких производителей. А в Китае как с этим обстоят дела?

ЯНЬ ХАЙЖУН: В 1980-е годы ситуация была следующая: чем больше ты произвел и поставил на рынок, тем больше твой доход. Сейчас рыночные тенденции привели к тому, что чем больше ты произвел, тем меньше у тебя доход. И даже пословица появилась:

«Хороший урожай не равен хорошему доходу». Поэтому развитие рынка связано с проблемой бедности: человек хочет получать больший доход, он производит больше и больше, не думает о том, что вся капуста сгниет на полях, потому что продать он ее не может. В итоге получается, что затраты на производство растут, а доход становится все меньше и меньше. Сейчас все больше слышно мнений, в частности крупных агропроизводителей, что нужны элементы плановой экономики. Причем совершенно не обязательно, что эту плановую экономику должны разрабатывать государственные бюрократы, — могут быть какие-то договоренности между производителями. Некоторое планирование необходимо, потому что иначе производство становится бездумным, сумасшедшим: больше и больше продукции ради более высоких доходов, что порождает постоянные экологические проблемы и истощает ресурсную базу. И проблема бедности как раз связана с тем, что рыночная экономика порождает бедность, но не из-за тенденций пролетаризации, а потому что отсутствие элементов планирования порождает больше затрат, чем могло бы быть и чем необходимо.

л.д. бони: Планирования более чем достаточно: «сверху» так запланировали, так увеличили закупочные цены, что продавать, сбывать было очень выгодно все эти годы. Все основные виды продукции закупались правительством, государством, которое фактически с рынка вытеснило всех частников, например, на рынке зерновых. Начиная с 2004–2006 годов государство установило закупочные цены на основные виды зерна и для временного хранения кукурузы. Все делалось для того, чтобы поднять инициативу крестьян и увеличить их доходы. В результате закупочные цены с 2004–2006 по 2015 год увеличились в два раза и превысили мировые цены (поскольку в кризис 2008 года мировые цены снизились). И возникла перевернутость цен, когда каждая тонна зерна стоит на 600–800 юаней дороже, т. е. на 30, 40 и даже 50% больше на внутреннем рынке, чем на мировом. А в условиях ВТО Китай открыт для импорта. Так что сейчас государство снижает закупочные цены в плановом порядке. В Китае очень сильное плановое макрорегулирование, например, они снизили на 10% в прошлом году закупочные цены на кукурузу, и убытки крестьян составили 20 миллиардов юаней. Но государству нужно дойти до уровня цен мирового импорта и еще на 20% снизить. Установка такая, что рынок должен все регулировать, но не должны страдать крестьяне, поэтому государство сейчас выдает дотации в срочном порядке, чтобы покрыть себестоимость производства. И Китай выходит на мировой рынок с основными видами сельхозпродукции: зерно, хлопок, соя.

а.м. никулин: Безусловно, это важный вопрос — сбыт и роль плана и рыночного регулирования. Но мой вопрос, и это тоже прозвучало в докладах, касается России. Например, региональное

развитие. Здесь было предложение, что, может быть, с богатого приваршавского региона снять европейские дотации, а периферийным регионам оставить дотации, потому что они более бедные. В российской экономике нам знакома ситуация, когда несколько регионов гребут немереные дотации от государства, это Краснодарский край, Татарстан, Башкортостан и Белгородская область — регионы-лидеры, у которых изначально хорошие природные условия, и получается по пословице «богатому да прибудется, а у неимущего да отнимется». Мой вопрос таков: существует ли региональное перераспределение доходов в Польше и в Китае, насколько оно справедливо и эффективно?

ЯНЬ ХАЙЖУН: Понятие региона сейчас в Китае не столь важно, сколь понятие района. Система работает таким образом, что в стране есть и субсидии, и фонды, куда можно обращаться за финансовой поддержкой, написав заявку на грант. Обычно заявку пишет либо район, либо производитель, который должен доказать, что он крайне важен для районной экономики. Поэтому в разных провинциях есть некоторые специфические правила, но в основном система не дифференцирована по провинциям, и каждый из сотни районов в стране может подать заявку на получение государственной поддержки.

Но все равно, несмотря на эту систему, самые бедные территории Китая — это сельскохозяйственные районы. Можно назвать две причины того, почему субсидии не работают или работают неэффективно. Первая состоит в том, что субсидии получают в основном либо крупные фермеры, либо богатые хозяйства, т. е. до самых бедных крестьян, которые в них нуждаются, субсидии не доходят. Вторая проблема, почему субсидии не работают, состоит в том, что государство как бы в один карман крестьянина кладет деньги (субсидии), а из другого кармана забирает, поскольку затраты на производство, издержки производственные постоянно растут. Получается, что субсидия идет не на развитие производства, а на покрытие издержек, т. е. ничего субсидия человеку не дает, кроме временной финансовой поддержки.

Связь с проблемой бедности здесь в том, что Китай нуждается в декоммодификации массы отраслей, степень коммодификации таких отраслей, как образование, медицина и прочие социально значимые сферы, должна снизиться, и тогда не нужно будет субсидии тратить на оплату подобных общественных услуг.

Р. КИСЕЛЬ: Региональная политика не выравнивает всего в стране (типа, одна школа или пять километров железной дороги на сто квадратных километров территории), она должна выравнивать шансы для людей. Возьмем для примера две страны — Ирландию и Великобританию: по некоторым показателям Ирландия стоит намного выше, чем Великобритания, потому что она использовала деньги Европейского союза. И в Польше тоже некоторые воевод-

ства быстро идут вперед. По ряду показателей Польша сближается с Евросоюзом быстрее, чем Словакия, Венгрия и страны Центральной Европы. Но внутри страны между областями различия возрастают: в Польше есть области, которые развиваются и умеют получать деньги Евросоюза, есть хорошие, большие хозяйства, которые просят деньги и покупают на них технику. А есть области, например Мала Польска (Краков), где на домохозяйство приходится в среднем три гектара, в семьях по пять детей, и там 80–90% доходов тратится на продовольственные товары. Еще у нас не растет средняя величина земельных участков, потому что люди держатся за доплаты: если бы их не было, люди бы стали продавать землю, а так они держатся за нее, сдают в аренду, но не продают.

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, нам пора завершать наш круглый стол. Несмотря на все природные, культурные, политические и экономические различия аграрных сфер наших стран, ясно, что мы обсуждали во многом общие базовые противоречия многообразного сельского развития, связанные с вопросами соотношения и взаимодействия крупного и мелкого аграрного производства, частного и коллективного земледелия, экономики и экологии, города и села, наконец, с особенностью национальной аграрной политики, регулирующей все вышеупомянутые вопросы. Китай и Польша в нашем обсуждении явились своеобразными полюсами сельского развития, меж которыми возможно обнаружить особенности региональных путей трансформации сельско-городской России. Надеюсь, что мы еще продолжим плодотворную дискуссионную работу над сравнительным изучением аграрных вопросов наших стран.

Russia, Poland, and China: Models of post-socialist rural development. Round table

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

Ludmila Boni, DSc (Economics), Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Nakhimovsky Av., 32.

Alexander Gordon, DSc (History), Head of the East and South-East Asia Branch, INION of the Russian Academy of Sciences e-mail: gordon_aleksandr@mail.ru.

Roman Kisiel, Professor of Economic Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia e-mail: harmina@yandex.ru.

Marina Pugacheva, Senior Researcher, Centre for Fundamental Sociology Higher School of Economics, Deputy Editor Russian Sociological Review, Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A205, Moscow, Russian Federation 105066.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Yan Hairong, Professor, Hong Kong, Polytechnic University, Hung Hom, Kowloon, E-mail: hairongy@gmail.com.

This article is a transcript of the round table at the Rosa Luxemburg Foundation on March 27, which focused on the comparative analysis of the strategic directions of post-socialist rural development in the People's Republic of China, the Polish People's Republic and the Russian Federation. Professor Roman Kisiel made a presentation on the problems of Polish rural economy; professor Yan Hairong highlighted the dialectics of contradictions between collective and private farming in China. To a certain extent the Russian scientists L.D. Boni, V.V. Babashkin, and A.V. Gordon became the co-presenters of the Polish and Chinese colleagues when discussing such problems of rural development as the interaction of large and small-scale agrarian production, capitalist, family and collective forms of agriculture, economy and ecology, the city and village, and especially the national agrarian policies regulating all the above. In many ways, China and Poland turned out to be the poles of political and social-cultural agrarian transformations, which determine possible variations of regional models of rural-urban development in Russia. The round table discussion can be useful not only for academic scientists, but also for practitioners involved in developing state and municipal agrarian policies that are to take into account international agrarian experience.

Keywords: peasantry; land ownership; agrarian reforms; rural development; comparative studies; China; Poland; Russia